

Глава «Скифы в Передней Азии» заслуживает самой высокой оценки. Автор, будучи верным учеником Н. Я. Марра, следует его указанию о том, что скифская проблема не может быть разрешена без привлечения кавказских материалов. Поэтому он подчеркивает «связанность раннескифского общества с Кавказом и Закавказьем, связанность, подкрепляемую стадиальной близостью общества Кавказа VIII—VI веков до н. э. и скифского в степях юго-восточной Европы» (стр. 307). И в этой главе автор использует богатым археологическим материалом и материал лингвистический, опираясь на метод нового учения о языке.

Главу «Урарты после падения Ванского царства» автор в основном посвящает опровержению некоторых положений и теорий Лемани-Гаупта, господствующих в течение нескольких десятилетий и в зарубежной, и в дореволюционной русской, и в советской литературе. Названный крупный исследователь полагал, что урарты под давлением арmenов отступили на север, причем часть их, ушедшая в горы, сохранилась под названием халдеев. По мнению Лемани-Гаупта, урарту называли себя халдами, и тем самым он подкреплял свое отожествление урарту с халдами античных и средневековых авторов. Из положений Лемани-Гаупта делался в дореволюционной русской и советской литературе иной раз весьма серьезный вывод, что потомками урартов являлись не армяне, а один из других народов Закавказья.

Путем вдумчивого исследования свидетельств урартских текстов, древних историков и географов, персидских надписей, вавилонских табличек эпохи Ахеменидов, с привлечением разъяснения этнического термина *χαλδαῖς* греческих авторов, данного Н. Я. Марром, автор с полной убедительностью доказывает неправильность отожествления урартов с халдиями и ошибочность утверждения, что урарту называли себя халдами. Опровергнув положения Лемани-Гаупта, автор доказывает огромную роль урартов в этногенезе не одного из народов Закавказья, а всего Закавказья в целом. Он подчеркивает, в противоположность бездоказательным утверждениям о миграции урартов после катастрофы в начале VI века, что после падения Ванского царства урарты никуда не уходили.

Далее автор указывает, что урарты не являлись прямыми предками какого-либо из закавказских народов. Они влились в армянский народ, но также отчасти и в другие народы Закавказья. Самым же основным наследием урартского народа является созданная им культура, а наследниками культуры Урарту следует считать все народы Закавказья. Этот конечный вывод книги Б. Б. Пиотровского выявляет во весь рост актуальность этого труда в наши дни, когда дружба народов нашей великой родины послужила одной из основ нашей сокрушающей победы на поле битвы и нашего благополучия и счастья в дни мирного труда.

Я считаю своим долгом завершить мое суждение о труде доктора исторических наук Б. Б. Пиотровского, подчеркнув, что этот актуальный труд, являющийся глубоким исследованием, покоящимся на источниках, которые были в значительной своей части извлечены самим автором из архива земли, свидетельствует о высоком уровне советской науки и о выдержке советского ученого, которую не могли сломить лишения и невзгоды в блокированном Ленинграде.

Академик *B. B. Струве*

Б. А. КУФТИН. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Опыт периодизации памятников, Тбилиси, 1941, изд. Академии Наук Грузинской ССР, 231 стр., CXXVI табл., цена 60 р.^р.

Систематические раскопки в Триалети, проведенные Б. А. Куфтиным в течение пяти лет (1936—1940) на территории строительства ХрамГЭСа, дали возможность исследовать археологические памятники Грузии от эпипалеолитических стоянок и до погребений Сасанидской эпохи. Развеобразные археологические материалы, раскопан-

ные здесь, открыли совершенно новые страницы древнейшей истории Кавказа, освещив с большой полнотой прошлое Грузии. Вместе с тем результаты раскопок в Триалети позволили Б. А. Куфтину поставить и разрешить основной, остававшийся до последнего времени неясным, вопрос о хронологии археологических памятников не только для Грузии, но и для всего Кавказа в целом. Автор по-новому решает проблему культуры расписной керамики в Закавказье, «устанавливая в области южных склонов Кавказского хребта длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанного с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий» (стр. 18).

По-новому освещает автор и сложные вопросы этногенеза народов Южного Кавказа во II тысячелетии до н. э., рассматривая происходившие здесь процессы этнических образований в связи с цивилизациями Древнего Востока.

Б. А. Куфтин построил свою книгу весьма оригинально: после краткого введения весь материал в книге расположен в пределах трех частей: 1. Обзор инвентаря рядовых могильников железной и позднебронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья. 2. Курганская культура Триалети эпохи средней и позднего этапа древней бронзы. 3. Погребения энеолитической эпохи и нижний культурный слой циклопических крепостей. Изложение, таким образом, ведется, начиная с позднейших памятников эпохи Сасанидов. Перед читателем, как бы в процессе раскопок многослойного памятника, происходит вскрытие сверху вниз культурных наслоений различных эпох. Переворачивая страницы книги, Б. А. Куфтин заставляет читателя последовательно снимать сменявшиеся один за другим культурные слои и открывать все более древние этапы культуры, уходящие своими корнями в глубокую древность. Этот прием изложения дал возможность автору с большой отчетливостью показать местные корни в открытой им на Кавказе курганной культуре Триалети среднего и позднего этапа древней бронзы.

Каждая глава книги Б. А. Куфтина по-своему интересна. Автор широко привлекает материал из раскопок соседних областей Кавказа, Ирана, Передней и Малой Азии, разрешая всегда основную задачу — дать периодизацию памятников Цалкинского плоскогорья. Вместе с тем автор стремится наглядно показать связь погребений древнегрузинских петиахшей II века, открытых в раскопках акад. Джавахишвили и Джанашия в Армази-Мцхете, с древнейшей культурой южного Кавказа.

Установив на основе раскопок в Триалети новую достаточно прочную датировку ранее известных комплексов кавказских памятников, как Кобанской культуры, материалов расписной керамики из Кизил-Ванка, культур медно-бронзовой эпохи Куро-Араксинского Двуречья, Черноморского побережья, Грузии и соседних районов, автор критически пересматривает периодизации, ранее выдвинутые Шантром, Вирховым, Жаком де Морганом, Гернесом, Фармаковским, Пржевальским, Мещаниновым, Миллером и др.

В вводной главе, на основании изучения археологических коллекций музеев Кавказа, Б. А. Куфтин прежде всего ставит перед собой задачу выяснить для Кавказа период появления металла и опровергнуть ранее высказанное многими учеными мнение, что Кавказ и Закавказье как-то без подготовительных этапов сразу выступают с высоко развитой культурой бронзы в самых поздних ее ступенях, граничащих с эпохой появления железа.

Наиболее ранними свидетельствами культурного общения стран Куро-Араксинского Двуречья с Месопотамским югом служат находки медного топора и копья, обнаруженные в 1928 г. на территории ЗагЭСа и хранящиеся в Гос. музее Грузии. Медный топор Б. А. Куфтин сопоставляет, с одной стороны, с топором из древнейших кубанских курганов — Майкоиским, с другой стороны, — с медными топорами из южной Месопотамии, из царских гробниц в Уре и из Джемдет-Насра, где подобные топоры (в глиняных моделях) были найдены в слое с расписной керамикой. Тип медного копья с массивным стержнем и загнутым на конце крючком — кипрский, датируемый эпохой кипрской средней бронзы. Аналогичное копье из случайных находок в Грузии и с Северного Кавказа — из станиц Пролетарской (б. Царской) и Воздвиженской, — ука-

зывает, как пишет автор, «на существование в Грузии, как и на Северном Кавказе, ранней бронзовой, т. е. медной, эпохи, во всяком случае во второй половине III тысячелетия до н. э.» (стр. 12).

Анализируя интереснейшие новые материалы Кавказа — бронзовые булавки с петлевидно закрученной головкой, медные трубчатообушные топоры из Стхере в Абхазии и Западной Грузии — и сравнивая их с переднеазиатскими находками из царских погребений Ура, с культурами ранней бронзы Средиземноморья, Кипра и Дунайского бассейна, Б. А. Куфтин устанавливает здесь «длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанный с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий» (стр. 18).

Наиболее поздние из раскопанных на территории Цалкинского плоскогорья памятники эпохи Сасанидов (у селений Джиниси, Бармак-Сыз и др.) — это погребение в каменных ящиках сравнительно удлиненной формы, с лежащими на левом боку или на спине скелетами с незначительно подогнутыми ногами и поднятыми к лицу руками. В мужских погребениях часто замечены следы деформации головы. Инвентарь погребений крайне беден, и кости часто не сопровождались никакими вещами. Керамика отсутствует вовсе. Среди находок в женских погребениях характерны железные арабалетные фибулы позднеримского типа, булавки из бронзовой и железной проволоки, с овально вытянутыми головками из розового коралла и белых массивных стенок раковин, а также стеклянные. Обнаружены также серьги, имитирующие древнюю зернь или бусинку, перстни из тонкой серебряной проволоки с имитацией бордюра из зерен, а также перстни, выточенные из целого куска розового сердолика с площадкой для геммы и вырезанным на ней изображением аиста. Для датировки погребений важной является находка в одном из них серебряной монеты царя Кавада, позволяющая отнести их к VI веку н. э.

К наименее изученным в Цалкинском районе памятникам относятся погребения, синхронные римской и парфянской эпохе. Каменные ящики в эту эпоху — меньших размеров, чем при Сасанидах. Скелеты обнаруживаются в сильно скорченном положении на правом боку с двумя-тремя сосудами... В одном из погребений такого типа у с. Бешташни была сделана находка миниатюрного сосудика, покрытого густой синей стекловидной глазурью; внутри сосуда была найдена римская монета императора Августа, позволяющая датировать комплекс подобных погребений первыми веками нашей эры.

Характеристику памятников парфянской эпохи Б. А. Куфтин дает по материалам раскопок других археологов, ранее исследовавших Цалкинский район в археологическом отношении, как, например, материалы раскопок Л. Б. Шульца из погребения у села Розенберга. Особый интерес представляет обнаруженная здесь большая бронзовая четырехугольная поясная пряжка с композицией фантастических зверей в центре; эта пряжка повторяет в точности тип хорошо известных кавказских пряжек, не поддававшихся до последнего времени точной датировке. Исследователи даже подозревали в них археологическую подделку.

Пряжка из погребения у села Розенберга и две другие из погребений в каменных ящиках эллинистической эпохи близ села Манглиси (раскопки Вейсенгофа), а также детальный анализ сопровождающего эти изделия инвентаря, впервые позволили Б. А. Куфтину установить подлинность этого типа кавказских пряжек, широко известных на Центральном и Северном Кавказе, а также на территории древней Колхиды, и точно их датировать. Опорой для датировки послужило погребение у села Манглиси, которое сопровождалось тремя монетами римского времени.

Наличие кавказских пряжек с фантастическими зверями у сел Розенберг и Манглиси *впервые* указывает на «тесную связь триалетской Грузии, именно древней Гагарены, в эпоху, предшествующую римской оккупации Южно-Кавказского Двуречья, с территорией Колхиды, собственно со страной, которую Птолемей называл Евкриктикой, а Плиний — Секунд-Керритикой, т. е. с бассейном верхнего Риона и Квирилы, где эти кавказские пряжки встречены в наибольшем количестве» (стр. 29—30).

Для поздне-ахеменидской эпохи на широкой территории характерно значительное сходство инвентаря, в то время как обряд погребений — различный. В более глухих

материковых частях Колхиды господствует обычай кувшинных погребений; в Триалети, в восточных частях Средней Куры, обнаружены скорченные погребения в небольших квадратных каменных ящиках, обряд же кувшинных погребений в Триалети, повидимому, совсем не проник, тогда как для позднеэллинистической эпохи он зарегистрирован и в Грузии, и в Азербайджане, главным образом — на правобережье Куры.

Наиболее замечательной находкой ахеменидской эпохи в Триалети является богатое погребение близ села Цинцкаро на реке Алгети. Инвентарь алгетского погребения состоит из серии орнаментированных пластинок из электрона, служивших накладками на рот и глаза покойнику, четырех перстней, трех браслетов, двух булавок и пряжек, нашивавшихся на ткань. Кроме того, в погребении обнаружены две пары однотипных удил и псалии от третьей, орнаментированная серебряная обивка какого-то предмета, бронзовый треножник, бронзовое блюдо, два серебряных сосуда, ложка и фрагменты стеклянной чаши. Б. А. Куфтин отмечает, что алгетское погребение по времени и характеру полностью примыкает к так называемому ахалгорийскому кладу, который Я. И. Смирнов отнес к кругу ахеменидского искусства V—IV века до н. э.

«Алгетское погребение, — пишет Б. А. Куфтин, — дает чрезвычайно характерную картину жизни Триалети в ахеменидскую эпоху и... заставляет вспомнить синхроничные скифские погребения с конями, указывая, однако, на самостоятельные пути в развитии коневодства в Грузии» (стр. 40). Если серебряная посуда алгетского и ахалгорийского погребений близка к иранским образцам и не является местной по происхождению, то остальной инвентарь автор считает местными изделиями, тяготеющими «в противовес политическому господству Персидского государства, в сторону Западной Месопотамии, Сирии и даже острова Кипра, проникнутого традициями крито-миненской культуры» (стр. 41).

На могильном поле за Бешташенской крепостью были открыты погребения более древние, синхроничные мидо-персидской эпохе и поздневанской (конец бронзы). Погребения скорченные, на боку, в грунтовых ямах, обозначенные лишь отдельными камнями. Инвентарь крайне беден, однако достаточно характерны глиняные кувшины с округлым телом, вертикально идущими каннелюрами и одной ручкой, а также низкие остроребристые блюда. Их сопровождают обычно короткие массивные крупноголовые бронзовые булавки. Аналогии этим погребениям Б. А. Куфтин находит в могильнике Лелвара, открытом Жаком де Морганом в Ленкорани и датируемом VII веком до н. э.

Первую часть своей книги Б. А. Куфтин заканчивает еще одной интересной главой, посвященной могильнику поздней бронзы и первого появления железа у села Бешташени на правом берегу Байбурт или Герех-гая, заключавшему погребения в каменных ящиках и грунтовые; эти последние встречены на глубине 2 метров от поверхности, покрыты сверху большими камнями, со скелетами, лежащими на левом боку, в скрученном положении.

Керамический инвентарь представлен сосудами из серой несколько пористой массы, часто с герметическим вдавленным орнаментом. Глиняные блюда, крупные чаши, кувшины узкогорлые, без ручек, шаровидные сосуды с двумя небольшими ручками характерны для эпохи бронзы широкого района Закавказья. Исключительно своеобразны крупного размера «раструбноконические кубки» на высокой полой ножке. Возможно предполагать, что это подставки. Б. А. Куфтин указывает на аналогичные сосуды в погребениях Мцхета из раскопок Байерна. Можно еще добавить, что полые конические подставки, представляющие полную параллель бешташенному, обнаружены в 1926 г. раскопками И. И. Мещанинова в «каменном ящике» № 6 у села Ходжалы, причем инвентарь этого погребения одновременен комплексу находок больших курганов в Ходжалах (типа кургана № 11 с бусой Агад-Нирари).

Б. А. Куфтин указывает на аналогии бешташенному комплексу среди бронзовых изделий из древнейшего слоя Самтавро, а также в инвентаре погребений Ганджа-Карабахского и Севанского районов. Наконец, в могильнике из Бешташени встречены вещи типично колхидско-кубанской группы.

Замечательной особенностью инвентаря бешташенских погребений этой эпохи являются бронзовые серпы и деревянные с кремневыми вкладышами. Бронзовые серпы очень редки для южного Кавказа. Кроме того, здесь в грунтовых погребениях встречаются украшения из золота — бусы, хрустальная подвеска в золоте, височные кольца с несомкнутыми концами и такие же височные кольца из серебра. На основании ряда сопоставлений Б. А. Куфтин пишет, что нижним хронологическим пределом датировки этих могил можно считать границу XII—XI веков до н. э. — время появления железа на Кавказе.

Рис. 1. Расписной сосуд из кургана VII

Совершенно выдающееся открытие было сделано Б. А. Куфтиным в процессе раскопок курганной группы Триалети эпохи средней и позднего этапа древней бронзы, которой и посвящена вторая часть книги. Раскопки эти явились совершенно новым неисчерпаемым источником для понимания древнейших исторических судеб народов Кавказа в эпоху крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э. Существенной особенностью является резкое отличие открытого в них инвентаря от находок того же времени, известных до сих пор в Грузии, Азербайджане и Армении, а также и в памятниках более поздних эпох, рассмотренных выше. Всего автором раскопано здесь 42 кургана, причем все они оказались предназначенными для индивидуальных захоронений.

Триалетские погребения под каменной насыпью из валунов и крупного бульжника, достигающие иногда 5 метров высоты, открыты двух типов — в ямах и на поверхности грунта.

Погребальные ямы имеют обычно форму вытянутого четырехугольника, ориентированного по длине с востока на запад, и достигают значительных размеров (например, 5 метров длины, 3,5 метра ширины и 8 метров глубины). Стены этих сооружений сложены из плитчатого камня, местами сохранившегося до 4 метров высотою.

Ни в одном из больших курганов этой эпохи Б. А. Куфтин не обнаружил трупоположения покойника. Это дало основание исследователю сделать предположение о су-

ществовании в эту эпоху обряда кремации, которая совершалась где-то вне кургана, а затем остатки сожженного праха ввозились по дромосу и погребались на деревянной колеснице.

Тексты о хеттском ритуале кремации царей в Хатушаше рассказывают о похоронном обряде, когда прах сожженного хеттского царя или царицы помещался на деревянной колеснице.

Рис. 2. Расписной сосуд из кургана VII

вянной колеснице в каменном доме. В одном из цалкинских погребений была открыта тяжелая четырехколесная деревянная погребальная колесница, сохранившаяся почти полностью благодаря постоянно проникавшему в курган роднику. В другом погребении на дне могильной ямы также наблюдались глубокие колеи с остатками дерева от колес.

Труднее представить себе обстановку погребений, совершенных под валунной насыпью, на поверхности грунта («безъямные курганы», по терминологии автора). На поверхности строилось большое помещение из камней для одного покойника; площадь одной из погребальных ван равнялась 175 кв. метрам, со стенами до 4 метров и с широким коридором типа «дромоса», как и в предыдущего типа курганах. Вероятно, этот огромный вал имел деревянное перекрытие на столбах. На дне вала обнаружена золотая обшивка от деревянной детали, скорее всего от ступенчато-резной колонны — диаметром в 12 сантиметров.

Исключительный интерес в триалетских больших курганах представляет керамика, изображенная в книге Б. А. Куфтина на красочных таблицах. Приходится, однако, сожалеть, что дано исключительно краткое ее описание, так как именно керамические комплексы являются основой для подразделения автором триалетских курганов на ряд хронологических этапов.

Первый комплекс керамики — это сосуды из красной глины с красной красочкой облицовкой на наружной поверхности и с черной росписью (рис. 1 и 2). Орнамент обычно располагается в верхней части сосуда и состоит из спускающихся от основания края по плечикам шевронов, заполненных внутри зигзагообразными узкими поло-

сками и отдельными изображениями в свободных полях между шевронами (например, фигуры гусей). Керамика этого типа встречена в погребении совместно с керамикой черной, с полированной поверхностью; орнамент нарезной и налепной в виде прополированного узора. Керамика этого комплекса встречена лишь в курганах с погребениями в грунтовых ямах (курганы I, VII, XV).

Рис. 3. Расписной сосуд из кургана XVII

Второй керамический комплекс представлен сосудами из красной глины с поверхностью, ангобированной тонким беловатым слоем глины и хорошо лощеной (рис. 3 и 4). Орнамент нанесен черной краской. Система орнамента иная, чем на расписных сосудах первого комплекса. Орнамент покрывает большую часть поверхности сосуда от верха края и доходит часто почти до самого дна. Роспись заключена в широкие горизонтальные пояса (по горлу и плечикам), иногда двойные; орнамент состоит из округлого меандра, из отдельных спиральных волют, непрерывного ряда S-образной спирали, вигзагообразных полос, шахматных полей, треугольников, шевронов, заполненных зигзагообразными полосами, часто заключенных в метопообразные поля внутри пояса. В свободных полях — отдельные изображения в виде солярных символов (диски, концентрические круги, розетки и т. д.).

Сосуды третьего комплекса — более грубая темносерая и черная лощеная керамика, слабее обожженная, из комковатой массы. Орнамент глубоко врезанный и каннелированный. Этот тип, по мнению Куфтина, особенно по технике орнамента, больше всего напоминает керамику с белой инкрустацией из раскопок Ганджа-Карабахского района. Однако, триалетская керамика этого типа ни разу не дала сосудов с белой инкрустацией. Третий комплекс был найден в курганах с погребениями на поверхности грунта (курганы VIII, IX, XVIII).

Далее Б. А. Куфтин переходит к описанию разнообразного инвентаря, найденного в триалетских курганах. К сожалению, здесь приходится отметить, что автор не пошел по пути расположения инвентаря, в пределах отдельных погребений и трех выделенных им керамических комплексов. Он лишь вскользь отмечает, что «реальность керамических групп подчеркивается отчасти и сопровождающим их металлическим инвентарем» (стр. 85).

Краткие замечания Б. А. Куфтина по характеристике трех керамических комплексов в связи с устройством погребений не дают убедительных доказательств для установления хронологической последовательности триалетских курганов в эпоху ранней и средней бронзы.

Драгоценные художественные изделия, обнаруженные в цалкинских курганах, представляют собой явление совершенно новое и своеобразное, не идущее в сравнение с известными до сих пор находками на Кавказе. Б. А. Куфтин сравнивает их с царскими погребениями Ура, Урука, Тель-Халафа, Аладжа Эйюк в Малой Азии, однако класть их в основу хронологизации, замечает автор, было бы неправильно, тем более что пока еще в Цалкинском районе не были раскопаны рядовые погребения того же периода.

На основе анализа спиральной расписной керамики со светлой облицовкой и золотого кубка со спиральным узором, украшенным сканью, зернью и вставками бирюзы и светлорозового сердолика, Куфтин приходит к заключению о местном производстве этих драгоценных ювелирных изделий. Обнаруженные в одном из курганов (курган VII) агатовый кулон и золотые бусы из ожерелья дают образцы той же техники, причем эта буса находит полную аналогию в образце из Вафио ново-микенской эпохи, датируемой 1500 г. до н. э. Несмотря на ряд аналогий, которые автор приводит к изделиям с филигранью и зернью из Ура и Урука, датируемым III тысячелетием до н. э. (как, например, агатовый кулон, золотые завитки и др.), он все же не преувеличивает возраста ожерелья и приходит к выводу, что золотой кубок и ожерелье относятся к

Рис. 4. Расписной сосуд из кургана XVII

первой половине II тысячелетия до н. э. и рассматривает шумерские аналогии лишь в качестве тех образцов, которые легли в основу драгоценных изделий Цалки и восходят к далеким шумерским традициям.

Более поздний, по сравнению с находками из Ура, возраст цалкинских курганов подтверждает и тип бронзового оружия — втульчатое бронзовое копье (рис. 5), кото-

рое, как совершенно убедительно показывает автор, могло появиться на южном Кавказе не ранее конца первой половины II тысячелетия до н. э. В Сирии такие копья (Рас-Шамра) датируются первой половиной II тысячелетия до н. э., в Эгейском мире — между 1800—1600 гг. до н. э. (по Г. Чайльду), в Микенах — 1700 г. до н. э. В Иран этого типа копье проникает не ранее второй половины II тысячелетия до н. э. Здесь втульчатое бронзовое копье также, как в Грузии и на Северном Кавказе, сменяется широко распространенным в Передней Азии копьем со стержнем и с загнутым концом кипрского типа, характеризующим древний этап бронзы (стр. 97).

Таким образом, красная керамика с черной росписью первого комплекса, вместе с которым обнаружено бронзовое втульчатое копье, по возрасту является более древней, чем керамика с белой ангобированной поверхностью и черной росписью второго комплекса, но разница хронологически сравнительно незначительная.

Б. А. Куфтин напечатал в своей книге не полностью весь обнаруженный им в курганах инвентарь, однако и то, что дано, характеризует совершенно новую культуру в Грузии. Так, следующие уникальные художественные изделия были обнаружены в кургане XVII в погребальной яме (со вторым комплексом керамики).

1. Кубок из червонного золота, украшенный сканью, вернью и вставными камнями — бирюзой и светлорозовым сердоликом (рис. 6). Вот как описывает его автор: «Он изготовлен из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутыли, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, наподобие стенок мяча, так что получилась глубокая ча па с удвоенной стенкой на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутыли. Отверстие ножки после этого было запаяно ажурным прорезным донышком, украшенным ватем, как и вся наружная поверхность кубка, гнездами для камней, обрамленными сканью и вернью; декорация стенок кубка была изготовлена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волютами золотой апликации, на которую и напаивался весь узор» (стр. 92). Автор анализирует спиральные волюты на стенках кубка, сопоставляя их с росписью на больших глиняных сосудах, причем сходство узора является одним из явных доказательств местного происхождения золотого кубка, представляющего столь редкую, среди известных до сих пор в Закавказье, находку.

2. К золотому кубку по технике полихромной декорировки примыкают золотые головки серебряных булавок, обнаруженных в том же кургане XVII (рис. 7).

3. В кургане XVII было открыто еще и знаменитое серебряное ведерко с золотой отделкой (рис. 8, 9 и 10), которое Куфтин рассматривает вместе с обнаруженным в кургане серебряным кубком (рис. 11 и 12), что позволяет ему говорить о генетической зависимости в стилистическом отношении одного от другого. Оба предмета покрыты чеканным рельефным орнаментом. На серебряном кубке в верхнем фризе изображена процесия из 23 одетых в хитоны человеческих фигур, стоящих друг за другом. Они держат в руках большие кубки и подходят к такой же фигуре, сидящей на стуле без спинки. Перед сидящей фигурой — большой кубок и трехногий жертвенник, по сторонам которого лежат два длиннохвостых животных (собаки?). Сзади — дерево, из ствола которого вытекают в обе стороны струи воды. Фигуры все одеты одинаково «в короткий, оторченный бахромой, разрезанный с подола до ворота запахивающийся хитон, без пояса, узкие ноговицы и обувь с загнутыми вверх носками; сзади у каждого спускается донизу подвязанный пушистый хвост, в руках — кубки». Здесь представлена культовая сцена — шествие с дарами к божеству, сидящему на троне. Позади божества изображено дерево жизни с вытекающими из ствола двумя струями воды. Второй фриз на кубке — девять следующих друг за другом оленей, попеременно — самцов с тяжелыми рогами и самок без рогов. Такой же ряд оленей изображен и в нижнем ряду композиции на серебряном ведерке; среди кустов и деревьев представлены козлы, серны, козули, олени двух видов, кабаны. Наконечники стрел воткнуты в грудь некоторых животных, подчеркивая охотничью композицию. Аналогичные изображенные в культовой сцене глиняные кубки на полой ножке (раструбноконические) обнаружены Б. А. Куфтиным в погребениях поздне-бронзовой эпохи у дороги Бешташени-Сафар-Хараба (рис. 14). В своей книге автор этого сопоставления не делает.

Интересна и находка из кургана VIII, где была открыта керамика третьего комплекса, в погребении на поверхности грунта; это прежде всего ожерелье из золотых полихромных бус очень крупных размеров, выполненных той же техникой, что и золотой кубок из кургана XVII. Буса инкрустирована камнями — оранжевый сердолик с зернистым обрамлением. Датирует ее Куфтин, по находке в Бафио, около 1500 г. до н. э. Вместе с этой бусой (рис. 13) был найден в кургане VIII агатовый кулон в золотой оправе, с шлифованными зернами сердолика. Кулон и обнаруженные вместе с ним золотые височные завитки уводят автора к аналогиям из царских гробниц Ура и Урукса, точно так же как и деревянная колесница на четырех колесах, обнаруженная в одном из курганов, и указывают на древние традиции Шумера. Теперь, после получения книги Е. Herzfeld'a «Iran in the Ancient East», агатовый кулон из Цалки должен быть сопоставлен с золотым кулоном с агатом и лapis-лазурью, обнаруженым в Тере-Суан и датируемым 1400 г. до н. э.

Весь комплекс уникальных находок из больших курганов в Триалети представляет, — несмотря на огромное количество привлеченных Куфтиным аналогий, главным образом, из переднеазиатского Востока, — совершенно новую и исключительно блестящую культуру. Вполне естественно, что автор ставит сразу же себе задачу не только дать хронологию открытых памятникам, но и сопоставить триалетские памятники эпохи средней и позднего этапа древней бронзы с ранее известными находками в Закавказье примерно того же времени, и прежде всего с находками культуры расписной керамики Кызыл-Банка. Наиболее древними находками автор считает грунтовые могилы под небольшой каменной насыпью с расписными сосудами на реке Занге, обнаруженные в 1896 г. Чарковским у деревни Тазакенд и датируемые им первым стилем эзамской керамики (IV—III тысячелетие до н. э.). Вместе с тем автор сравнивает их с керамикой из первого комплекса триалетских курганов, датирует эти последние, как указывалось выше, первой половиной II тысячелетия до н. э. Этот хронологический разрыв остается невыясненным в книге Б. А. Куфтина.

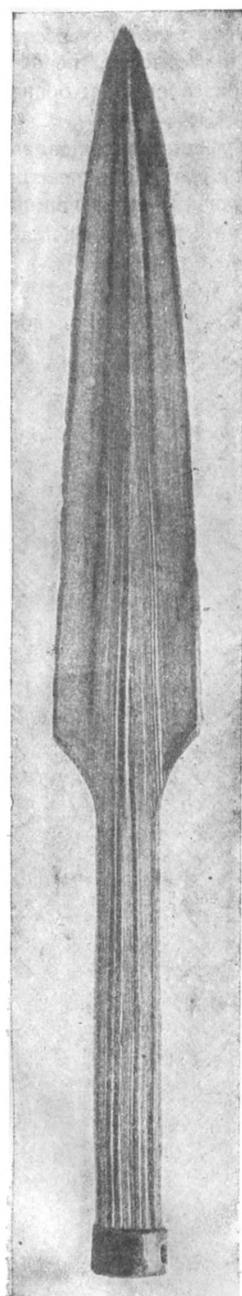
Материалы из раскопок Федорова в Кызыл-Банке Куфтин считает следующим этапом (после керамики из Тазакенда) — Кызыл-Банк I, а расписную керамику из раскопок в 1926 г. И. И. Мещанинова в Кызыл-Банке — более поздней (Кызыл-Банк бис) и, наконец, керамику из раскопок А. А. Миллера, обнаруженную в погребениях вместе с железными украшениями, он датирует эпохой Банской экспансии и называет Кызыл-Банк II.

Следует дополнительно указать, что новым и важным для датировки расписной керамики Закавказья является материал из раскопок 1936—1937 гг. в Армении, на холме Муханнат-Тапе, где в нижнем слое, залегавшем под культурными остатками урартского времени, вместе с черной лощеной керамикой находилась и расписная посуда. Это отчасти подкрепляет датировку расписной керамики Закавказья серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. и вместе с тем решительно должно изменить мнение о датировке Кызыл-Банка (и, видимо, Тазакенда) IV и III тысячелетием до н. э.

К курганным погребениям древнебронзовой эпохи Б. А. Куфтин относит две совершенно различные группы: первая представляет группы курганов, которые можно считать кочевническими или связанными с населением, временно пребывающим на высокогорных пастбищах. Автор исследовал несколько таких курганов в южной, высокой части Триалети, на перевале к Параванскому озеру, на высоте около 2 200 метров над уровнем моря. Для этих курганов характерна насыпь из крупных обсидиановых обломков. Комплекс погребений такого типа автор, на основании сочетаний в его инвентаре примитивных медных клинков и гематитовой булавы, сопоставляет с рядом находок из энеолитических слоев Сирии и Палестины и со вторым слоем Алишарского холма древнебронзовой эпохи и датирует концом III тысячелетия до н. э.

Вторая группа курганов древнебронзовой эпохи отличается крайней бедностью инвентаря. Эта бедность, замечает автор, находится в противоречии с огромным трудом, затраченным на устройство погребения с большой каменно-земляной насыпью и глубокой могильной ямой, предназначенней для погребения одного человека. В одном

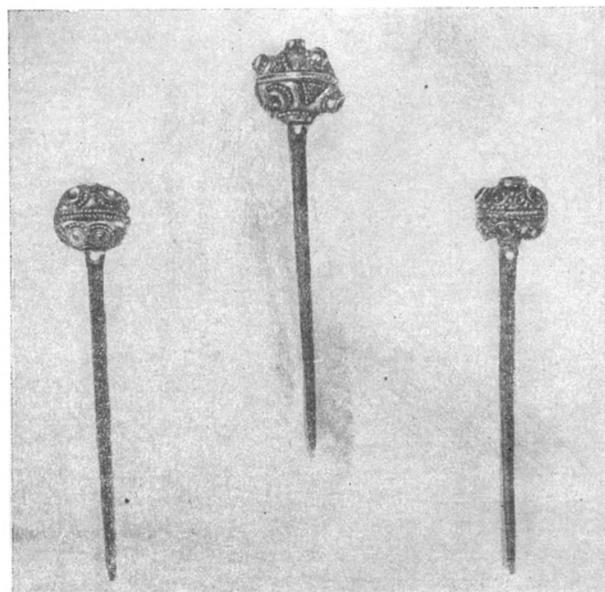
случае яма оказалась глубиной от поверхности грунта в 7,5 метра; в другом размер самой насыпи достигал 5 метров высоты при 45 метрах в диаметре. Кости сохраняются чаще, чем в больших триалетских курганах; в одном случае удалось проследить положение покойника на боку, с подогнутыми ногами. Среди инвентаря — плоское медное лезвие, четырехгренное бипирамидальное медное шильце, относящееся к эпохе меди, керамика. Типологический анализ, главным образом, керамического инвентаря

Рис. 5. Бронзовое копье с серебряной обоймой из кургана XV

Рис. 6. Золотой кубок, украшенный аппликацией, филигранью и вставными камнями из кургана XVII

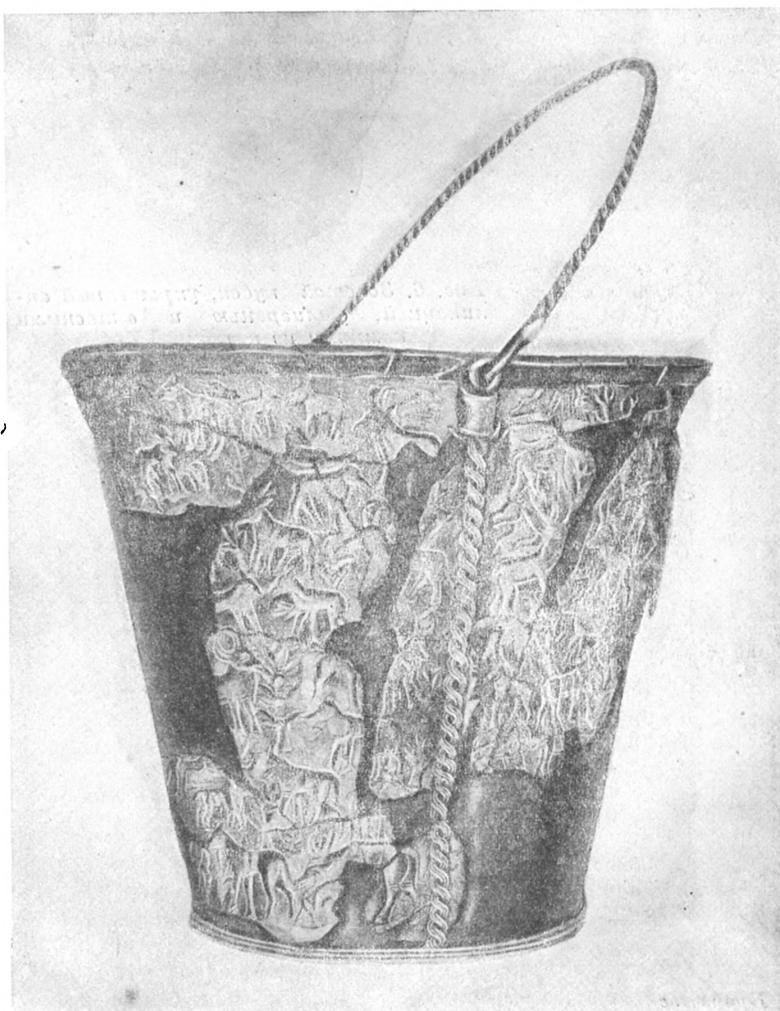

Рис. 7. Серебряные булавки с золотой головкой из кургана XVII

позволяет автору обосновать хронологическое место этих курганов. Керамика рядом с своими особенностями тяготеет к древнему энеолитическому слою, найденному и в Триалети и прослеженному по музейным материалам, происходящему с южного Кавказа.

Автор совершенно справедливо замечает, что изучение материалов периода древней бронзы и энеолитического позволит «очертить территориальный размах и установить, таким образом, направление культурной преемственности в этот критический период истории развития родового общества на Кавказе и, в частности, подойти к выявлению условий возникновения цветущего культурного очага средней бронзы в Триалети» (стр. 105).

Не меньший интерес вызывает третья часть книги Б. А. Куфтина, посвященная погребениям энеолитической эпохи и нижнему культурному слою циклопических крепостей в Триалети, — эпохи наиболее загадочной, почти совершенно не изученной, несмотря на ряд находок, характеризующих этот особый древний культурный пласт на широкой территории Кавказа.

Рис. 8. Серебряное ведерко в золотой оправе из кургана XVII

Рис. 9. Деталь чеканки на серебряном ведерке

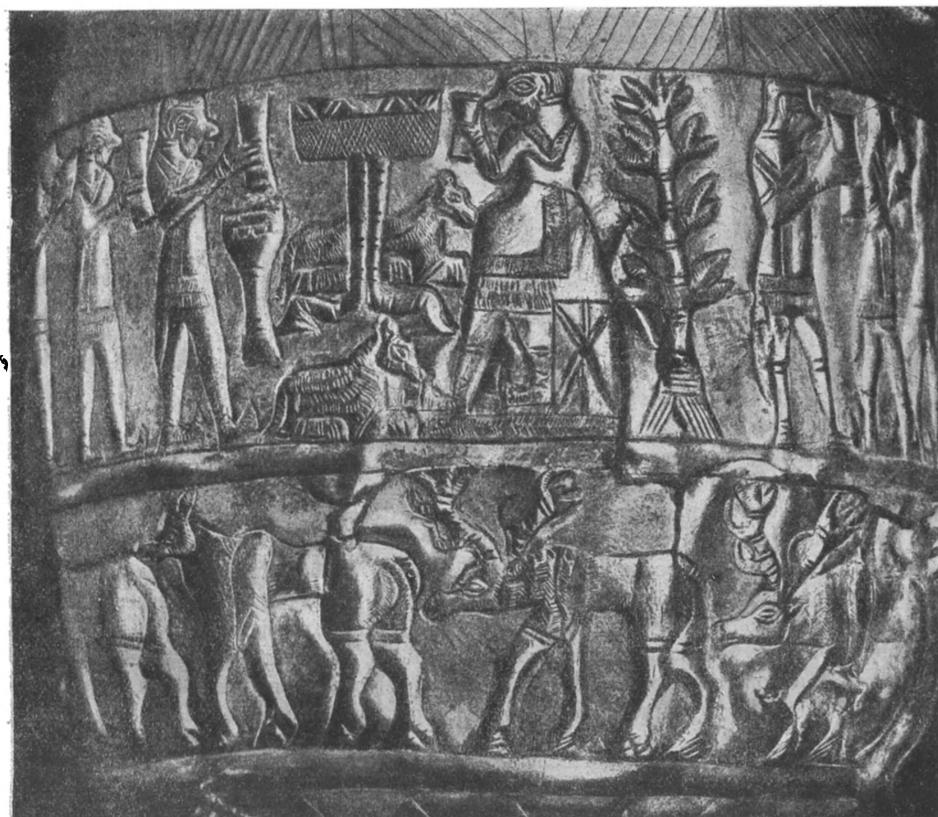

Рис. 10. Деталь чеканки на серебряном ведерке

Древнее Бешташенское поселение расположено на мысу и представляет собою остатки циклопической крепости. Раскопкам было подвергнуто несколько пунктов, как внутри крепости, так и вне ее. Открытый здесь культурный слой, достигавший 3 метров мощности, обнаружил наличие характерной черной лощеной керамики (рис. 14) с выпукло-вогнутым своеобразным линейно-геометрическим орнаментом (широко известным в Закавказье на таких энеолитических поселениях, как Шенгавитское около Еревана и Шреш-Блура у Вагаршапата), а также красной лощеной керамики. Поселение характеризуется, кроме керамического комплекса, чаще всего мощными отложениями зольных слоев, костями домашних животных, глиняными статуэтками животных (барана), каменными зернотерками, пестами, шлаком, строительным «воздушным кирпичом», редкими поделками из кремня, обсидиана и кости, а также остатками очагов и жилищ. В целом поселения свидетельствуют о принадлежности их обитателей к оседлому земледельческому обществу, складывающемуся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. и обнаруживающему, как пишет автор, «поразительную однородность на значительной территории южного Кавказа, от Араката и до Тбилиси, от Нахичевани и Степанакерта до Триалети и даже далее, до Западной Грузии» (стр. 114).

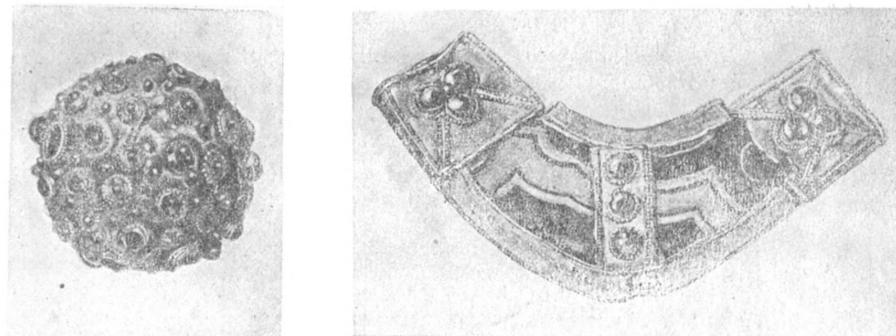
Рис. 11. Серебряный кубок из кургана V

Рис. 12. Деталь чеканки на серебряном кубке

Последнюю, заключительную главу Б. А. Күфтин посвящает древнейшим памятникам, открытым в Цалкинском районе, — Бармызской эпипалеолитической стоянке на левом берегу реки Храма, с большой серией орудий из обсидиана, который с конца палеолитической эпохи вывозился с Малого Кавказа в Переднюю Азию. В этом обстоятельстве Күфтин усматривает основу для быстрого развития культурных связей с Месопотамией, Шумером и Эламом, где в слоях неолитической эпохи обсидиановые изделия становятся особенно многочисленными. Новые материалы цалкинских курганов и многочисленный исторический и лингвистический материал, привлеченный Күфтиным в процессе его исследования, наполняют совершенно «новым содержанием существовавшие до сих пор исторические представления о месте Кавказа в развитии древневосточного мира» (стр. 124).

В заключение Күфтин в своей книге ставит и пытается разрешить еще одну важную проблему — этногенеза народов современной Грузии. Прежде всего, новая культура Цалки, относящаяся к первой половине или к середине II тысячелетия до н. э., вместе с обобщениями, сделанными Күфтиным о длительной медно-бронзовой эпохе культуры расписной керамики на Кавказе, «совсем по-иному рисует нам историю доурартийского периода и историю Ванского царства — первого государственного образования на территории СССР» (стр. 126). Ряд черт вновь открытой культуры позволяет Күфтину учитывать значение чисто местных общественных сил «в процессе формирования ближайших предшественников последующих государственных образований южного Кавказа» (стр. 126). Б. А. Күфтин полагает, что в возникновении народов южного Кавказа участвовали горные народы, хурриты или харрийцы, происхождение которых он склонен искать в восточной, а не в западной части древнего Востока.

Рис. 13. Золотая буса и агатовый кулон ожерелья из кургана VIII

Куфтин подчеркивает, что на Кавказе приходится ожидать «многослойного пересечения культурных течений, как восточных переднеазиатских, так и западных» (стр. 128).

Новые раскопки американской экспедиции на озере Ван и наблюдения, сделанные там исследователями в 1939 г., показывают, что на границах с южным Кавказом существовала, как пишет в последней своей работе Б. Б. Пиотровский, «древнейшая монолитная сиро-месопотамская культура, отличная от западно-малоазийской, лишь в самых нижних слоях обнаруживающая сходство сprotoхалафскими изделиями северной Месопотамии. Большое количество изделий из обсидиана указывает на ранние сношения Ванской территории с Кавказом, причем расписная керамика, залегавшая в основном в слоях доурартийского периода, продолжает существовать с древнеурартийской»¹.

Далее Б. А. Куфтин утверждает, что «блестящая курганская культура Триалети свидетельствует об очень древних связях с южным Кавказом предков грузинских племен, издавна занимавших отдельными своими племенными ветвями эту территорию и, в частности, области водоразделов Куры и Аракса, Евфрат и Чороха» (стр. 130). В связи с этим положением особенно становится интересным, когда автор на новом археологическом материале показывает «наличие чисто местных, идущих от своеобразия южнокавказского энеолита, глубочайших корней грузинской культуры на Кавказе, с поразительным ее расцветом в эпоху средней бронзы» (стр. 131).

Заканчивая краткий, далеко не полный обзор книги Б. А. Куфтина, удостоенной Сталинской премии, я позволю себе высказать некоторые пожелания, которые, мне думается, могут быть выполнены автором или при переиздании разобранного труда (изданного тиражом всего в 1500 экземпляров) или же внесены в виде дополнений в следующие подготовляемые автором томы той же серии о замечательных археологических открытиях в Триалети.

Первой и основной своей задачей автор поставил выяснение периодизации разновременных археологических памятников, добытых им в процессе раскопок в одном сравнительно ограниченном районе Грузии. Как отмечалось мною выше, Б. А. Куфтин с большой убедительностью и с привлечением разнообразных материалов соседних стран устанавливает относительную и абсолютную хронологию вновь открытых триалетских памятников, однако делает это на протяжении всех глав книги не с одинаковой полнотой. Так, особенно приходится сожалеть, что вторая часть книги, посвященная наиболее интересному и загадочному периоду больших цалкинских курганов, построена автором в несколько ином разрезе, чем остальные части книги.

В второй части опубликовано лишь некоторое, сравнительно небольшое, количество выборочного археологического материала из всех 42 курганов, раскопанных автором за эти годы, тогда как в первой части, где дается обзор инвентаря могильни-

¹ Б. Б. Пиотровский. Новая страница древнейшей истории Кавказа. Армянский филиал Академии Наук СССР, Ереван, 1943, I, стр. 53.

Рис. 14. Глиняные кубки с полой ножкой из погребений позднебронзовой эпохи, могильники у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

ков железной и позднебронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья, автор дает с исчерпывающей полнотой все комплексы находок различных эпох. Кроме того, привлекаемый во второй части книги археологический материал анализируется и сопоставляется автором в виде отдельных предметов. Не всегда дается представление о реальном соотношении находок в том или другом кургане или погребении. Тем самым намеченные автором комплексы керамики, обнаруженные совместно с теми или иными изделиями из драгоценного металла, не получают в издании необходимого подтверждения.

Вторая, не менее важная задача, выдвинутая Б. А. Куфтиным в его книге, — показать древние, местные корни культуры Грузинского государства начала нашей

эры. В связи с этим автор пытается проследить преемственность замечательного ювелирного мастерства культуры Триалети середины II тысячелетия до н. э. на протяжении длительного времени. Однако, как ни подчеркивал он эту преемственность, разрыв, о котором упоминает и сам автор (стр. 132), неминуемо получился в одну из эпох, а именно в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В поисках преемственности в последующих фазах развития культуры Триалети автор рассматривает только один из признаков этой богатой культуры, а именно ювелирное мастерство, и недостаточно уделил внимания прослеживанию путей развития культуры цалкинских курганов в целом. Совершенно необходимо было бы приложить к книге подробную карту всей территории Кавказа с указанием расположения одновременных и разновременных памятников и с нанесением ареалов распространения отдельных племенных объединений, начиная с древнейших периодов.

Б. А. Куфтин уделяет недостаточно внимания, как мне кажется, прослеживанию взаимосвязей вновь открытой им культуры в свете ранее известных памятников Куро-Араксинского Днуречья, хотя бы по времени и более поздних, относящихся к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Мало внимания, как мне кажется, уделяет автор и безусловно имевшим место в конце III и начале II тысячелетия влияниям культуры цалкинских курганов в области Северного Кавказа. В эту эпоху влияние переднеазиатских цивилизаций проникает далеко за пределы Цалкинского плоскогорья — на север, и нельзя не вспомнить здесь материалов, стадиально и хронологически близко стоящих к культуре Триалети; это — раскопки майкопского кургана, свидетельствующего о связях с югом, с древневосточными культурами и с областями Передней Азии. В майкопском погребении были также обнаружены многочисленные украшения из драгоценных металлов — золота, серебра, лазурита, сердолика и бирюзы, золотые и серебряные сосуды, а также медный проушной топор и плоские медные топоры эпохи раннего металла на Северном Кавказе.

В заключение следует пожелать Б. А. Куфтину продолжить издание серии материалов «Археологические раскопки в Триалети», первый том которых явился блестящей страницей в ряду больших открытий, сделанных советскими археологами за последнее двадцатипятилетие в области изучения прошлого нашей родины.

Т. С. Пассек

«ОЛЬВИЯ», т. I, Изд-во Академии Наук Украинской ССР, Киев, 1940, 304 стр., 108 рис. в тексте, 49 табл.

Археологические раскопки в Ольвии имеют свою историю. Спорадически, с большими промежутками, они велись в течение всей второй половины XIX века. Систематический характер их установился только с 1901 г., когда работу повел покойный Б. В. Фармаковский. С тех пор, хотя и было несколько перерывов, вызванных различными обстоятельствами, но они не повлияли сколько-нибудь существенно на систематичность исследования этого греческого города. Напротив, после того как закончилась гражданская война, раскопки в Ольвии постепенно расширялись и достигли исключительного размаха.

Совместными усилиями научных коллективов Института археологии Академии Наук Украинской ССР и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук ССР совершается с методичностью и полной компетентностью как вскрытие новых мест древнего города, так и тщательная консервация древних зданий и сооружений. Те же коллективы проводят предварительную камеральную и исследовательскую работу над добытыми материалами. Всю эту научную работу возглавляет член-корреспондент Академии Наук Украинской ССР Л. М. Славин, энергии которого принадлежит колоссальная доля произведенной и производимой работы.

Реальным плодом этой исследовательской работы является рецензируемый кол-